

Сказка Туве Янссон " Опасное лето " Глава шестая

О том, как отомстили Сторожу парка

Если бы малышка Мю была чуть побольше, она бы непременно утонула. А она легко, словно пузырек, вынырнула из водоворота и, отфыркиваясь и отплевываясь, показалась на поверхности. Она плыла, как пробочка, и поток быстро уносил ее все дальше и дальше.

"Страсть как забавно, – подумала она. – Вот уж удивится моя сестра!"

Оглядевшись вокруг, она заметила пльвшие рядом поднос для пирожков и шкатулку Муми–мамы. После недолгого раздумья (хотя на подносе еще оставалось несколько пирожков) она выбрала шкатулку и залезла туда.

Покопавшись в содержимом шкатулки и спокойненько разрезав несколько клубков ангорской шерсти, она свернулась калачиком в уютной шерстяной ямке и безмятежно заснула.

Шкатулка с нитками плыла и плыла. Ее занесло в заливчик, где дом сел на мель. Покачавшись в прибрежных камышах, шкатулка наконец увязла в иле. Но малышка Мю не проснулась. Она не проснулась даже тогда, когда рыболовный крючок взвился над ней и заДорогой читатель! Приготовься к неожиданности. цепился за шкатулку. Крючок дернулся разок–другой, леска натянулась, и шкатулка осторожно поплыла.

Случайности и совпадения творят чудеса. Ничего не зная друг о друге и о приключениях друг друга, семейство муми–троллей и Снусмумрик случайно оказались в одном и том же заливе в самый вечер летнего солнцестояния. Это и в самом деле был Снусмумрик. В своей старой зеленой шляпе он стоял на берегу и тарашился на шкатулку.

– Клянусь шляпой, это маленькая мюмла, – сказал он и вынул трубку изо рта. Он коснулся малышки Мю крючком и приветливо сказал: – Не бойся!

– Я даже муравьев не боюсь, – ответила Мю и села в шкатулке.

Они посмотрели друг на друга. В последний раз, когда они виделись, Мю была такой маленькой, что ее едва можно было разглядеть, поэтому нет ничего удивительного, что они не узнали друг друга.

– Агу, детка! – сказал Снусмумрик и почесал за ухом.

– Сам ты "агу"! – ответила Мю.

Снусмумрик вздохнул. Он приехал сюда по важному делу, надеясь хоть немного побыть в одиночестве, прежде чем вернуться в Муми–долину. И вот какая–то растяпа–мюмла посадила своего ребенка в шкатулку с нитками. Ничего себе!

– Где твоя мама? – спросил он.

– Ее съели, – пошутила Мю. – У тебя есть какая–нибудь еда?

Снусмумрик показал трубкой на маленькую кастрюльку с горошком, попыхивающую над костром. Поблизости стояла другая кастрюлька с горячим кофе.

– Но ты небось пьешь только молоко? – спросил он.

Малышка Мю презрительно засмеялась. Не моргнув глазом она проглотила целых две чайных ложки кофе и потом съела в придачу по крайней мере четыре горошины.

Залив огонь водой, Снусмумрик протянул:

– Ну и ну!

– А теперь мне снова хочется спать, – сказала малышка Мю. – Но мне больше нравится спать в карманах.

– Ладно, – сказал Снусмумрик и сунул ее в карман. – Главное, что ты знаешь, чего хочешь.

Клубок ангорской шерсти она прихватила с собой.

А Снусмумрик отправился дальше по прибрежным лугам.

Девятый вал, обессилев, присмирел в бухте. Здесь во всей своей красе царило лето. От извержения вулкана остались лишь облака пепла да чудесные темно–багровые закаты, которыми частенько любовался

Снусмумрик. Он не имел ни малейшего представления о том, что случилось с его друзьями в Муми–доле, и полагал, что они все также мирно сидят на своей веранде и празднуют день летнего солнцестояния.

Иногда ему приходила в голову мысль, что, наверное, Муми–тролль заждался его... Но прежде чем возвратиться, Снусмумрик должен был свести счеты со Сторожем парка. И дело это можно было уладить лишь в день летнего солнцестояния. Завтра все уже будет в порядке.

Снусмумрик достал губную гармошку и принялся наигрывать старинную песенку Муми–тролля о том, "как все мелкие зверьки нацепляют бантики на хвосты".

Малышка Мю тотчас проснулась и выглянула из кармана.

– Я тоже знаю эту песенку! – закричала она. И Мю запела своим тоненьким и пронзительным, похожим на комариный писк, голоском:

...бантики, бантики, бантики все на хвосты нацепляют, хемули в новых коронах и новых венках щеголяют, скроется месяц, и Хомса запляшет рассветной порой. Миса, малютка, не нужно печалиться, спой! Утром, у Мумрика дома, в далеком саду алые блещут тюльпаны на ярком свете. Ночь исчезает. Лишь Мюмла в рассветном краю ищет везде, одинокая, шляпу свою! [Перевод Д. Закса.]

– Где ты слышала эту песню? – удивленно спросил Снусмумрик. – Ты спела почти без ошибок. Ты просто чудо–ребенок!

– В этом можешь не сомневаться, – ответила малышка Мю. – Кроме того, у меня есть секрет.

– Секрет?

– Да, секрет. Я знаю грозу, которая совсем не гроза, и знаю зал, который вертится как карусель. Но больше я ничего не скажу!

– У меня тоже есть секрет, – сказал Снусмумрик. – Он спрятан в моем рюкзаке. Скоро ты его увидишь, потому что я сведу старые счеты с этим негодяем!

– Большим или маленьким? – спросила малышка Мю.

– Маленьким, – ответил Снусмумрик.

– Это хорошо, – сказала малышка Мю. – С маленьким негодяем куда легче справиться.

Довольная, она снова залезла в клубок ангорской шерсти, а Снусмумрик осторожно пошел вдоль длинного забора. То тут, то там висели таблички с надписями:

СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ ВХОДИТЬ НА ТЕРРИТОРИЮ ПАРКА!

Сторож со Сторожихой жили, само собой разумеется, в парке. Они подрезали и подстригали деревья, придавая им форму шара или куба. Дорожки в парке были прямые как стрелы. Не успевала травка подрасти, как ее тут же подстригали, и ей снова приходилось, напрягая все силы, тянуться вверх.

Лужайки с подстриженной травой были обнесены высоким палисадом, и повсюду можно было прочесть надписи, сделанные большими черными буквами: запрещается то–то и то–то.

В этот ужасный парк каждый день приходили двадцать четыре крошечных забитых малютки, которых ли бо забыли по той или иной причине, либо они сами потерялись. Это были мохнатые лесные малютки. Они ненавидели и этот парк, и песочницу, в которой их заставляли играть. Они хотели лазить по деревьям, стоять на голове, бегать по траве...

Но этого не понимали ни Сторож, ни Сторожиха, которые сидели рядом и караулили их.

Но оставалось делать малышам? Охотнее всего они закопали бы Сторожа и Сторожиху в песок, но были слишком малы, чтобы справиться с ними.

И вот теперь в этот самый парк пришел Снусмумрик с малышкой Мю в кармане. Он крался вдоль забора, поглядывая на своего заклятого врага Сторожа.

– Как ты собираешься с ним поступить? – спросила малышка Мю. – Повесить, сварить или набить из него чуело?

– Напугать его, – ответил Снусмумрик и еще крепче закусил трубку. – На свете есть лишь одно–единственное существо, которое я по–настоящему ненавижу: Сторож в этом парке. Я хочу сорвать все его таблички с надписями о том, что запрещено!

Снусмумрик принялся рыться в рюкзаке и вытащил оттуда большой мешок, полный маленьких блестящих белых семян.

– Что это? – спросила Мю.

– Семена хатифнаттов, – ответил Снусмумрик.

– Ну и ну! – удивилась Мю. – Разве хатифнатты появляются на свет из семян?

– Конечно, – сказал Снусмумрик. – Но все дело в том, что сеять эти семена нужно вечером в день летнего солнцестояния.

Сквозь рейки ограды он начал осторожно бросать семена хатифнаттов на лужайки (правда, одно семя довольно далеко от другого, чтобы хатифнатты не сцепились лапками, когда появятся на свет). Опустошив мешочек, Снусмумрик сел на землю и стал ждать.

Солнце клонилось к закату, но оно по–прежнему грело, и хатифнатты начали прорастать.

То тут, то там на аккуратно подстриженных лужайках начали высовываться круглые головки, напоминавшие белоснежные шампиньоны.

– Посмотри вон на того, – сказал Снусмумрик, – скоро у него прорежутся глазки!

И верно, через минуту на белом черепе показались два шарообразных глаза.

– Когда они рождаются, они особенно сильно заряжены электричеством, – объяснил Снусмумрик. – Смотри, теперь у них появляются лапки.

Было слышно, как растут хатифнатты. Но Сторож ничего не замечал, он не слышал шороха, так как не спускал глаз с малышей. А кругом на лужайках сотнями пробивались хатифнатты. Еще только ножки оставались у них в земле. В парке запахло серой и жженой резиной. Сторожиха принохалась.

– Чем это запахло в парке? – спросила Сторожиха. – Малышня, от кого из вас так пахнет?

И тут по земле побежали слабые электрические разряды.

Сторож забеспокоился, стал переминаться с ноги на ногу. Его металлические пуговицы начали потрескивать.

Внезапно Сторожиха вскрикнула и вскочила на скамейку. Дрожащей рукой показала она на лужайки.

Хатифнатты уже выросли до своих нормальных размеров и теперь сплошной стеной надвигались на Сторожа со всех сторон. Их притягивали наэлектризованные пуговицы его мундира. В воздухе парили микромолнии, и пуговицы на мундире Сторожа все чаще и чаще потрескивали. Вдруг у Сторожа засветились уши, заискрились волосы, потом морда! Миг – и весь Сторож засветился. Словно сверкающее солнце, он покатился к воротам парка, преследуемый целой армией хатифнаттов.

А Сторожиха уже перелезла через забор. Только малыши, страшно удивленные, по–прежнему сидели в песочнице.

– Здорово! – восхищенно сказала маленькая Мю.

– Точно! – ответил Снусмумрик и сдвинул шляпу на затылок. – А теперь мы сорвем все таблички, и пусть каждая травка растет, как ей заблагорассудится!

Всю свою жизнь Снусмумрик мечтал сорвать таблички, запрещавшие все, что ему нравилось, и теперь дрожал от нетерпения. Наконец–то! Он начал с таблички "КУРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!". Затем схватил табличку "ЗАПРЕЩАЕТСЯ СИДЕТЬ НА ТРАВЕ!". Потом полетела в сторону табличка "ЗАПРЕЩАЕТСЯ СМЕЯТЬСЯ И СВИСТЕТЬ!". А вслед за ней отправилась табличка "ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ!".

Лесные малыши тарашили на него глаза, все больше и больше удивляясь.

Мало–помалу они поверили, что он пришел спасти их. Они выскочили из песочницы и обступили его.

– Ступайте домой, малыши! – объявил Снусмумрик. – Ступайте куда хотите!

Но они не расходились, а шли за ним по пятам. И даже когда была сорвана последняя табличка и Снусмумрик поднял свой рюкзак, чтобы отправиться в путь, они по–прежнему не отставали от него.

– Хватит, детки! – сказал Снусмумрик. – Ступайте домой, к мамам!

– А вдруг у них нет мам? – предположила малышка Мю.

– Но я ведь не привык возиться с малышками, – испуганно сказал Снусмумрик. – Я даже не знаю, нравятся ли они мне!

– Зато ты нравишься им, – сказала Мю и улыбнулась.

Снусмумрик взглянул на притихшую стайку восхищенных малышей, пристроившихся у его ног.

– Можно подумать, что мне мало тебя одной, – сказал он. – Ну ладно, ничего не поделаешь. Пошли! Начнется теперь канитель!

Снусмумрик зашагал по лугам в сопровождении двадцати четырех очень серьезных малышей. Его одолевали мрачные мысли о том, что же он станет делать, когда они проголодаются, или промочат ножки, или у них заболят животки.